

DOI 10.31483/r-104032

Камитова А. В.**ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА В УДМУРТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА)**

Аннотация: В настоящей статье предпринято описание феномена художественного билингвизма, известного в удмуртской литературе в истоках его формирования. Аналитический обзор проблемы предпринят автором на примере творчества первого удмуртского мастера художественного слова Г. Е. Верещагина, а именно на одном из его стихотворений. Во вводной части работы в кратком изложении описаны разные формы проявления писательского двуязычия, к одной из которых примыкает и исследуемый автор. Существует несколько гипотетических версий, объясняющих причины обращения удмуртского писателя к самопереводу. В работе проведен анализ колыбельной песни «Чагырь, чагырь дыдыкэ!» на удмуртском языке и его переводной версии на русском, осуществленной самим поэтом. В ходе сравнительно-сопоставительного изучения выявлены их сходства и различия. С творчества Г. Е. Верещагина начинается формирование билингвального контекста в удмуртской литературе, а посредством самоперевода впервые репрезентируется русскоязычному читателю и его поэтическое творчество. В переводном тексте поэт успешно отразил национальную стилистику и образную выразительность, изначально заложенную в оригинале. Изучение двуязычного творчества Г. Е. Верещагина способствует осмыслению билингвального феномена национальной литературы.

Ключевые слова: удмуртская литература, художественный билингвизм, колыбельная песня, сравнительно-сопоставительный анализ, оригинал, перевод.

Kamitova A. V.**THE PHENOMENON OF BILINGUALISM IN UDMURT LITERATURE
(ON THE EXAMPLE OF G. E. VERESHCHAGIN'S WORKS)**

Abstract: *The article describes the phenomenon of bilingualism, expressed in Udmurt literature at the origins of its formation. An analytical insight of this phenomenon is undertaken on the example of the works of the first Udmurt writer G. E. Vereshchagin, namely, on one of his poems. The introductory part briefly describes the various possible forms of a writer's bilingualism, one of which is adopted by the author under study. Several hypothetical versions are proposed to explain the reasons for the Udmurt writer's appeal to self-translation. An analysis of his lullaby "Glaucous, glaucous dovelet!" in Udmurt and its translated version in Russian, carried out by G. E. Vereshchagin himself, is provided. In the course of a comparative study, similarities and differences were found. It is summarized that the formation of a bilingual context in Udmurt literature begins with the works of G. E. Vereshchagin. Through the author's translation, his poetic creativity is also presented to the Russian-speaking reader for the first time. It is revealed that in the translated text the poet successfully embodied the national stylistics and figurative expressiveness inherent in the original. The study of the bilingual creativity of G. E. Vereshchagin contributes to the understanding of the bilingual phenomenon of national literature.*

Keywords: *Udmurt literature, artistic bilingualism, lullaby, comparative analysis, original, translation.*

Введение

Двуязычное художественное творчество – явление общемировое [Гусейнов]. В научной литературе данный феномен принято определять понятием «художественный билингвизм», «литературный билингвизм», «творческий билингвизм». Под данным явлением понимается свободное владение писателем двумя языками (родным и неродным), проявляющееся в создании произведений. «Взаимодействие двух языков, – по наблюдениям Т. А. Бертагаева, – не столько порождает билингвизм <...>, сколько модифицирует, видоизменяет данный национальный язык, создает нечто третье» [Бертагаев, 1973, с. 82]. Е. Б. Дзапарова причисляет авторский перевод к малоизученной проблеме, объясняя это редкостью данного феномена в художественной литературе [Дзапарова,

2014, с. 219]. Обозначенная научно-проблемная сфера в удмуртском литературоведении также остается за пределами аналитического внимания исследователей.

Появление двуязычных писателей, несомненно, обогащает палитру национальной литературы. Многие известные поэты и писатели творили на двух и более языках (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, М. И. Цветаева, О. Уайльд, Г. Гейне и др.). История удмуртской словесности также показывает, что во все времена каждое поколение писателей обращалось к созданию произведений на втором (не родном) языке, зачастую – посредством переводов.

Обращение художников слова к двуязычному творчеству глубоко индивидуально и нет этому явлению прямых объяснений. В ряде случаев оно связано с историко-культурными аспектами, многомерной реальностью сосуществования нескольких языков в выбранном в том или ином культурном пространстве. Творчество удмуртских писателей на русском языке для выражения своей индивидуально-авторской самобытности в значительной мере определяется и статусом русского языка как средства межнационального общения.

В творческой практике удмуртских авторов наблюдаются разные формы проявления писательского двуязычия: творчество на национальном языке с авторским переводом на русский, творчество на русском с последующим самопереводом на национальный, параллельное творчество на национальном и русском языках без самоперевода и др.

В качестве объекта исследования мы остановимся на такой форме поэтического двуязычия как творчество на национальном удмуртском языке с авторским переводом на русский. К представителям данной типологической группы относятся такие писатели, как Г. Верещагин, К. Герд, Ф. Васильев, В. Владыкин, Т. Чернова, О. Четкарев и др. В данной работе аналитическое внимание будет сосредоточено на творчестве Г. Верещагина, на примере его перевода колыбельной песни.

Материалы и методы исследования

Работа посвящена рассмотрению феномена художественного билингвизма в удмуртской литературе. Углубленное изучение данного явления проводится на примере анализа колыбельной песни Г. Верещагина на удмуртском языке «Чагырь, чагырь дыдыкэ!» и ее варианта на русском языке «Сизой, сизой голубочек», перевод которого выполнен самим автором. На основе анализа двух текстов выявляются сходства и различия на уровне структурно-семантических элементов стихотворения, стилистических и образных особенностей.

В ходе работы применялись следующие методы исследования: аналитическое прочтение стихотворных текстов, контекстуальный и сравнительно-сопоставительный анализы оригинала и перевода. Текст колыбельной песни Г. Е. Верещагина на удмуртском языке и его переводной версии на русском передается с сохранением языка оригинала. Оба текста приводятся полностью и для простоты восприятия располагаются параллельно друг другу.

Результаты исследования

Григорий Егорович (Георгиевич) Верещагин (1851–1930) – первый удмуртский писатель, ученый, учитель и просветитель, православный миссионер и священнослужитель. Его жизненная и творческая биография формировалась на стыке пересечения разных языков и культур. Творчеству основоположника удмуртской литературы присуще явление художественного билингвизма. Он творил на удмуртском и русском языках, «говорят, ему были доступны латынь, греческий, старославянский языки. Он был сведущ в славянской и индоевропейской мифологии» [Владыкин, 1992, с. 26–27].

На литературной арене Г. Верещагин впервые выступил с русскоязычными произведениями. На протяжении своей творческой деятельности он создавал одни произведения на родном языке, другие – на русском, третьи – переводил – либо произведения собственного сочинения с удмуртского на русский, либо произведения русских классиков на удмуртский. Перед читающей публикой Г. Верещагин изначально предстал под псевдонимами Удморт, Г. В. и Г. В-н. Это пример осознанного анонимного авторства, столь характерного для конца XIX в.

О Г. Верещагине как об авторе отличных статей, художнике и поэте первым написал венгерский ученый Б. Мункачи после личного знакомства с ним в 1885 г. в с. Шаркан. «Поехал в Шаркан; материала, правда, не нашел, но познакомился с Г. Е. Верещагиным. Он – прекрасный человек, удмурт из Полома <...>. Однако такие отличные научные статьи пишет <...>. Помимо этого – художник и поэт. За его стихи предлагали 2000 рублей, и он их не продал», – писал Бернат Мункачи [Подарок, 1983, с. 48]. Действительно, широкую известность Григорий Егорович приобрел как писатель и ученый, вместе с тем он обладал талантом художника. Некоторые его рисунки и копии рисунков обнаружены нами в семейном фонде Верещагиных-Беренгартенов Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Сегодня стихотворения удмуртского поэта звучат в переводе на чувашском, венгерском, финском языках.

Огромный вклад в популяризации творчества Г. Е. Верещагина внес известный удмуртский ученый В. М. Ванюшев. Благодаря его инициативе в Удмуртском институте истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН издано шеститомное собрание сочинений Г. Верещагина.

Писательское дарование Г. Верещагина реализовалось в написании произведений разных литературных жанров: стихотворений, поэм, пьес, очерков, рассказов, повестей. Но при жизни он опубликовал лишь стихотворения [Верещагин, 2004, с. 8]. Прозаические сочинения в количественном соотношении являются доминирующими в его творчестве. Из его самостоятельных поэтических творений на сегодня известно более десятка текстов. «Вполне возможно, что Верещагин во время своих этнографических экспедиций, поскольку и сам был неоднократным свидетелем искусства импровизации, почувствовал желание писать стихи», – такое предположение выдвинул П. Домокош [Домокош, 1993, с. 181].

Начало публикаций работ Г. Верещагина связано с деятельностью этнографического отделения Императорского Русского географического общества. Первое оригинальное печатное художественное произведение на удмуртском

языке, созданное Г. Верещагиным, также было издано благодаря усилиям этого общества. Его сочинение «Чагырь, чагырь дыдыкэ!» (Сизый, сизый голубок) было издано анонимно в 1889 г. в монографии «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» под видом колыбельной песни, поскольку «в те времена в России официально не признавалось письменное художественное творчество инородцев» [Ванюшев, 2004, с. 8].

Текст колыбельной песни «Чагырь, чагырь дыдыкэ!» на удмуртском языке опубликован вместе с авторским переводом на русский язык «Сизой, сизой голубочек!». Это один из примеров самоперевода стихотворного текста Г. Верещагина. Известны еще несколько опытов его переводов собственных произведений с удмуртского языка на русский. Очерк «Гуждор», рассказ «Таинственный нищий», пьеса «Ловелас» представляют собой варианты авторских переводов его произведений «Гуждор», «Кураськысь», «Калтыртысь», написанных на удмуртском языке. В данной работе подробно остановимся на анализе его колыбельной песни на удмуртском языке и его переводной версии на русском языке.

На решение Г. Верещагина обратиться к самопереводу колыбельной могли повлиять разные причины, однозначный ответ на который сегодня невозможно дать. Гипотетические рассуждения можно связать с тем, что писатель, стоящий у истоков зарождения удмуртской литературы, через перевод своего текста руководствовался желанием познакомить русскоязычного читателя культурой и поэзией своего народа. Выражаясь словами Ч. Гусейнова, «быть услышанным всеми, то есть прозвучать на русском, который был для националов и остается <...> некой калиткой, если не сказать дверью, в большой читательский мир» [Гусейнов]. К периоду конца XIX – начала XX в. культурная среда удмуртского народа формировалась из очень тонкой прослойки интеллигенции, состоящей из священников, студентов, учителей. Поэтому к переложению на русский язык имеющихся на удмуртском языке текстов еще не было подготовленных писателей, в связи с чем удмуртский писатель сам обратился к переводу своего творения.

Возможно, презентуя стихотворение на языке оригинала и в русской интерпретации, Г. Верещагин пытался представить читателям пример усвоения приемов перевода с одного языка на другой (в частности, с удмуртского на русский), как образец поэтического упражнения. К примеру, его стихи, помещенные в «Руководстве к изучению вотского языка» (1924), выступают в качестве вспомогательного материала – как тексты для перевода на русский язык. «По русски» – так обозначает удмуртский писатель свой переводной текст колыбельной, тем самым подчеркивая переводной характер произведения.

Причина обращения Г. Верещагина к переводу собственного сочинения может быть определена и степенью родственности русского языка пишущему. Допускаем, что для него русский язык был такой же родной, как и удмуртский.

Удмуртский вариант стихотворения «Чагырь, чагырь дыдыкэ!» отличается образной и стилистической структурой, близкой удмуртскому фольклору, с одной стороны, с другой – высоким уровнем поэтики. Как отмечают исследователи, это произведение является переходной моделью от чистого фольклора к оригинальному художественному творчеству:

*Чагырь, чагырь дыдыкэ!
Малы пыддэ жобаськодъ?
Чебер піэ-гыдыкэ!
Малы яламь бордъиськодъ?
Бадзьымь будодъ – тъирь басътодъ,
Сикэ мынодъ кырдыса;
Джужытъ кызэзъ уськытодъ,
Жадедъ, пудэ кораса.
Мынамь бырозъ ась поры,
Тонэ вите жаляса
Шунды ватскозь сикъ-сьоры,
Гуртэ бертодъ жадыса.
Сюдо тонэ табанень,
Ырдэ возынъ вояса.
Юодъ мушьсуръ чечыэнъ,
Муми позьтъизъ шуыса.
Чагырь, чагырь дыдыкэ!
Малы пыддэ жобаськодъ?
Чебер піэ-гыдыкэ!
Малы яламь бордъиськодъ?*

Сизой, сизой голубочек!
Зачем ноженьки марашь?
Сынок миленький-красавчик!
Зачем, дитяtko, все плачешь?
Выростешь – возьмешь топор,
Уйдешь с песенкой в лесочек;
Свалишь дерево большое,
Рубить будешь и устанешь.
Я свою стряпню окончу,
Буду ждать тебя, жалея.
Зайдетъ солнце за лесокъ,
Ты устанешь и вернешься.
Напеку тебе олашков,
Маслом головку примажу,
Будешь пить ты пиво с медом,
Говоря, что мать сварила.
Сизой, сизой голубочек!
Зачем ноженьки марашь?
Сынок миленький, красавчик!
Зачем, дитяtko, все плачешь?
[Верещагин, 1889, с. 44–45].

Русский вариант текста колыбельной песни Г. Верещагина «Сизой, сизой голубочек!» представляет собой подстрочное переложение. Оба варианта текста отличаются напевной мелодией, простотой содержания и композиции, характерной для народной колыбельной песни. Г. Верещагин воплотил в текстах особенности поэтического и музыкального языка, специфику родной речи.

Текст колыбельной на удмуртском языке наполнен словами неги и ласки: *дыдыкэ* «голубочек / голубок / голубка», *пиз-гыдыкэ* «сыночек / сынок-голубчик / голубок / голубочек» – примеры ласкового обращения родителей к детям. Подобные образные, выразительные и эмоционально-оценочные слова обогащают семантику произведения, создают глубину народного мировосприятия.

В целях достижения эквивалентного смыслового прочтения перевода Г. Верещагин подходит к творческим экспериментам. Словарь русского варианта колыбельной поэт наполняет словообразовательными суффиксами, оттеняющими некоторые стилистические и семантические факторы. Особенно щедр поэт на слова с уменьшительно-ласкательным значением, близким к устному народному творчеству, например: *ноженьки, голубочек, сынок, миленький, красавчик, дитяtko, песенка, лесочек, лесок, головка*. В перечисленных словах обнаруживается яркая эмоциональность и экспрессия со значением уменьшительности и ласкательности. Обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами особенно характерно колыбельной песне. Эту особенность фольклора Г. Верещагин перенес в мир литературы. Суффиксальное богатство уменьшительно-ласкательных слов русского языка предоставил поэту возможность выразить столь же великое множество тончайших нюансов. «Пересочиняя» на русском, удмуртский поэт работает в русле художественных традиций русской литературы. Сличение текстов позволяет выявить смысловую адекватность передачи исходного текста. Национальный колорит, заложенный в образных выражениях и словах-реалиях, сохранен переводчиком частично и заменен спецификой переводящего языка с использованием эквивалентов. Используемые словарные соответствия удмуртским словам позволило избежать Г.

Е. Верещагину излишней экзотики, тем самым приближая перевод к новой читательской аудитории.

Писатель ощущал богатейшие выразительные возможности русского языка; понимал, что в лексике любого народа заложена определенная культурная нагрузка, свойственная носителям того или иного языка. Интуитивное использование языковых единиц, многослойных в стилистическом и смысловом отношении, наверное, было обусловлено содержанием произведения и задачами стиля колыбельной лирики.

«Любая человеческая культура обязательно несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью людей», – отмечает М. В. Осорина [Осорина, 2000, с. 11]. Эта картина мироздания в образной и смысловой схеме воплощена и в материнском фольклоре (в частности, колыбельной песне). Если для русской культуры ключевым моментом является описание идеального состояния благополучия ребенка [Осорина, 2000, с. 16], то в удмуртских текстах изображается нелегкая судьба дитя. Г. Е. Верещагин в художественном описании мира детства опирается именно на традиционное удмуртское мировоззрение: *Бадзьымъ будодъ – тьиръ басьтодъ... Жадедъ, пудэ кораса. Тонэ вите жалеяса... Гуртэ бертодъ жадыса* «Подрастешь – возьмешь топор... Устанешь колоть дрова. Буду ждать тебя, жалея... Домой вернешься уставший». В тексте разворачивается перспектива будущей самостоятельной жизни ребенка, в которой пространство социально обусловлено. Колыбельная Г. Верещагина успокаивающая по ритму, минорна по своему социальному содержанию.

Художественная ценность колыбельной Г. Верещагина заключается в том, что тексты оригинала и перевода выстроены на зарисовке традиционного хозяйственного уклада и психологии удмуртского народа. Характерные для жителей лесной зоны промыслы, а именно: рубка леса и заготовка древесины (*Бадзьымъ будодъ – тьиръ басьтодъ, Сикэ мынодъ кырдыяса; Выростешь – возьмешь топоръ, Уйдешь съ песенкой въ лесочекъ*); традиционная кухня удмуртов (*Сюдо тонэ табанень, Ырдэ возынь вояса. Юодъ мушьсурь чечыэнь;*

Напеку тебе олашковъ, Маслоь головку примажу, Будешь пить ты пиво съ медомь) отражены в стихотворении.

Обращает на себя внимание кольцевое обрамление удмуртского текста и перевода колыбельной песни. Начальный стихотворный куплет из четырех строк еще раз повторяется в конце произведения. В оригинале и переводе повторяется четверостишие, которое использовано в качестве зачина и концовки, связующего элемента цепи песни. Такой прием лексических повторов сближает колыбельные песни Г. Верещагина с произведениями устного народного творчества, где кольцевая композиция встречается довольно часто. Этот художественный прием повторения слов придает обоим стихам эмоциональную насыщенность, размеренную певучесть, усиливает лирическое настроение. Кольцевая композиция, как заключительный аккорд произведения, помогает достичь художественной завершенности, усилить основную тему.

Авторский текст гармонирует с народной поэзией благодаря тому, что в литературном варианте совместились фольклорная форма и композиционное построение народной песни. Литературная колыбельная поэзия интерпретирована Г. Верещагиным как этнографом и фольклористом.

Заключение

Самопрезентация билингвального начала в творческой биографии Г. Верещагина изначально проявилось на примере сочинения колыбельной песни. А посредством самоперевода впервые было репрезентировано русскоязычному читателю и его поэтическое творчество. Известно, что колыбельные песни всех народов во многом имеют схожие интонационно-смысловые черты. Но в каждой из них заключается своя философия, ударения в словах подчиняются своему ритмическому рисунку, они отражают картину мироздания своего народа. К творению авторских колыбельных песен обращались русские поэты: В. Жуковский, М. Лермонтов, А. Майков и многие другие. Среди удмуртских писателей известны колыбельные стихи К. Герда, Вл. Тимофеева и др. Г. Верещагин первый из удмуртских поэтов, обратившихся к авторскому переводу своих стихов, а именно – колыбельной песни. Он один из родона-

чальников в деле создания художественных переводов собственных произведений. Использование в построении данного текста фольклорной модели стала органической составляющей художественного микротекста. Обращение писателей к двуязычному творчеству глубоко индивидуально и нет этому явлению прямых объяснений. Национальная стилистика и образная выразительность, изначально заложенные в оригинале, Г. Верещагин успешно воплотил через опыт самоперевода. Можно констатировать, что с его творчества начинается формирование билингвального контекста в удмуртской литературе.

Список литературы

1. Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – Москва : Наука, 1973. – С. 82–88.
2. Ванюшев В. М. Слово о Григории Егоровиче Верещагине // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 8–13.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Императорское русское географическое общество. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1889. – Том 14, выпуск 3. – 199 с.
4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 томах / под редакцией В. М. Ванюшева ; ответственные за выпуск В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – Том 5. – 416 с.
5. Владыкин В. Г. Е. Верещагин // Йыбырскон = Благодарение. – Ижевск : Удмуртия. 1992. – С. 20–29.
6. Гусейнов Ч. К вопросу о «русскости нерусских» [Электронный ресурс]. – URL : <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/4/k-voprosu-o-russkosti-nerusskih.html> (дата обращения : 06.10.2022).
7. Дзапарова Е. Б. Художественный перевод в осетинской литературе: проблема адекватности переводных текстов: монография. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 312 с.

8. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / перевод с венгерского. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1993. – 288 с.

9. Осорина М. В. Картина мира в колыбельных песнях и рисунках маленьких детей // Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – С. 11–29.

10. Подарок Мункачи: песни и сказания / составитель и автор предисловия А. Н. Уваров. – Ижевск : Удмуртия, 1983. – 192 с.

References

1. Bertagaev, T. A. (1973). Bilingvizm i ego raznovidnosti v sisteme upotrebleniia. Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia, 82-88. Moskva: Nauka.

2. Vaniushev, V. M. (2004). Slovo o Grigorii Egoroviche Vereshchagine. G. E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ia, 8-13. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.

3. Vereshchagin, G. E. (1889). Votiaki Sarapul'skogo uezda Viatskoi gubernii., 14, k3. Sankt-Peterburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova.

4. Vaniushev, M., Zykina, T. S., & Vereshchagin, G. E. (2004). Sobranie sochinenii : v 6 tomakh., 5, 416. Vaniusheva ;; Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.

5. Vladykin, V. G. (1992). E. Vereshchagin. Iybyrskon = Blagodarenie, Izhevsk : Udmurtiia., , 20-29.

6. Guseinov, Ch. K voprosu o "russkosti nerusskikh". Retrieved from <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/4/k-voprosu-o-russkosti-nerusskih.html>

7. Dzaparova, E. B. (2014). Khudozhestvennyi perevod v osetinskoi literature: problema adekvatnosti perevodnykh tekstov., 312. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A.

8. Domokosh, P. (1993). Formirovanie literatur malykh ural'skikh narodov., 288. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.

9. Osorina, M. V. (2000). Kartina mira v kolybel'nykh pesniakh i risunkakh malen'kikh detei. Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh, 11-29. Sankt-Peterburg: Piter.

10. Uvarov, N. (1983). Podarok Munkachi: pesni i skazaniia., 192. Izhevsk: Udmurtiia.

Камитова Алевтина Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация.

Alevtina V. Kamitova – candidate of philological sciences, senior researcher of FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.